

Источник

Магические ритуалы
и практики

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

КРАСОТА И ГАРМОНИЯ

Урсула Джеймс

Урсула Джеймс

**Источник. Магические
ритуалы и практики**

«Центрполиграф»

2011

УДК 133.4
ББК 86.41

Джеймс У.

Источник. Магические ритуалы и практики / У. Джеймс —
«Центрполиграф», 2011

Урсула Джеймс – преподаватель медицинской школы Оксфордского университета, автор учебника по клиническому гипнозу, человек образованный и практичный. Голос знаменитой йоркширской пророчицы Матушки Шиптон, который она слышала в детстве, давно уже перестал для нее звучать, пока в один безрадостный день Урсула не поняла, что все в ее жизни складывается не так: нет в ней ни любви, ни истинной дружбы, ни настоящего успеха. И тогда пришло время для магии. Урсула снова услышала голос старой пророчицы. Это история о том, как У. Джеймс научилась верить в истинную магию и с ее помощью получила от жизни все, чего хотела, и даже больше. Полученными от Матушки Шиптон знаниями, по ее же приказу, Урсула делится со своими читателями. Здесь говорится о любви, о силе прощения, о том, как обратить свои мечты в реальность. Это книга пророчеств и заклинаний, ритуалов и обрядов, ее магия направит вас к источнику своей силы, и вы сделаете свою жизнь радостной и успешной.

УДК 133.4

ББК 86.41

Содержание

Об этой книге и ее авторе	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Урсула Джеймс

Источник. Магические ритуалы и практики

Ursula James

The Source. A Manual everyday magic

Copyright © Ursula James 2011

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2015

Ночная бабочка Матушки Шиптон не ведет ночного образа жизни, и ее часто принимают за дневную бабочку – если только не присматриваются внимательнее. С магами, которые живут среди нас, дело обстоит похожим образом. Так просто предположить, что все мы – дневные бабочки. Но иногда имеет смысл приглядеться...

Единственному постоянству в вихре моей жизни.

Тебе, Фил.

Люблю тебя, сейчас и навсегда.

Об этой книге и ее авторе

Урсула Сонтхил, известная также как Матушка Шиптон, – знаменитая целительница и пророчица, жившая в графстве Йоркшир на севере Англии во времена правления короля Генриха VIII.

Существует мнение, что ее сожгли как ведьму по приказу кардинала Уолси. Поводом к расправе послужило предсказание Матушки, гласящее, что кардинал никогда не увидит Йорк. Так и вышло; на полпути к Йорку Уолси был обвинен в измене и отозван обратно в Лондон. По дороге кардинал скончался.

Дух Матушки Шиптон оказался заключенным в пещере возле городка Нерсборо в Северном Йоркшире. Это необычная пещера: все, что туда попадает, превращается в камень под воздействием насыщенной известью воды из ближайшего колодца. Матушка Шиптон использовала эту воду, чтобы создать в пещере собственную статую, а затем отворила вход, дабы позвать страждущих.

Люди, больные душой и телом, приходили к ней в пещеру и в благодарность за лечение оставляли разные предметы. Говорят, что Матушка Шиптон правильно предсказала множество событий, от двух мировых войн до появления Интернета, а истории о ее магических способностях продолжали рассказывать и после ее смерти. Всякий раз, когда для Англии наставали трудные времена, люди обращались к пророчествам Матушки Шиптон.

Нынче и она и ее магия практически забыты, однако для одной женщины Матушка до сих пор жива и все еще плетет свои магические заклинания.

Урсула Джеймс тоже родилась в Йоркшире. Она преподает в Медицинской школе Оксфордского университета, а также читает лекции по клиническому гипнозу в Медико-стоматологической школе Бартса и Лондона. Еще она занимается медицинскими исследованиями и пишет диссертацию по медико-биологическим наукам. Ее «Учебник по клиническому гипнозу» для студентов-медиков – первое пособие такого рода.

Урсула Джеймс – человек практичный и не похожа на женщину, которая общается с ведьмами, особенно давно умершими. Однако с самого детства она разговаривает с Матушкой Шиптон, которая направляет ее по жизни. В детстве Урсула не считала это чем-то необычным, но довольно быстро научилась скрывать свое общение с Матушкой от окружающих. А когда подросла, полностью от нее закрылась. Пока не пришло время и магия не оказалась нужна ей снова.

Эта книга повествует о том, как Урсула Джеймс сквозь череду столетий призвала Урсулу Сонтхил, чтобы привнести в свою жизнь магию. Это история о свойственной нынешним временам гордыне и о том, как Урсула Джеймс в конце концов научилась верить в истинную магию, в самую душу магии, и с ее помощью получила от жизни все, что хотела, и даже больше.

Пророчества Матушки Шиптон, переданные читателю через Урсулу Джеймс, учат заклинаниям, направленным, как сказано в Каббале, *tikkun olam* – «для излечения мира». В этих пророчествах говорится об отношениях, любви, силе прощения, о том, как излечить свой собственный мир и как после этого установить связь с другими людьми, чтобы помочь им в излечении их миров.

«Источник» явился к нам из глубины веков и – одновременно – из нашего времени. Только теперь, когда рушится мир торгашества, мы готовы слушать Сестру Луну, отзываться на ее слова и способны исцелить Мать Землю.

Это наполовину книга легенд, наполовину книга заклинаний – она пронизана истинной магией, и эта магия может исцелить тех, кто прочитает книгу как должно. В каждой ее части описаны специальные ритуалы, обряды и заклинания, которые направят читателя к источнику своей силы.

Эту книгу неизбежно будут сравнивать с «Селестинским пророчеством» и «Секретом». Однако она другая. И Матушка Шиптон, и Урсула Джеймс – реальные люди. Прочтите – и вы научитесь делать реальной магию. Прочтите и измените мир.

Пролог

Урок первый

Вам когда-нибудь хотелось, чтобы магия существовала? Я имею в виду, существовала по-настоящему? Чтобы действительно была такая сила природы, которая могла бы превратить вашу жизнь во что-то удивительное? Так вот, она существует. Она заключена в страницы этой книги и дремлет до тех пор, пока вы не прочтете слова силы и не позволите магии ворваться в вашу жизнь. Нет, вы не ошиблись, вашу жизнь изменят слова. Вы станете частью магии, сольетесь с Источником и встретите других – тех, кто тоже входит в число магических существ.

Чтобы принять в свою жизнь магию, мне понадобилась вся жизнь. Теперь магия – часть меня, и у меня нет иного выбора, кроме так передать знание дальше. Это часть договора, заключенного с истинной магией: ею нужно делиться.

Меня зовут Урсула Джеймс, и я специалист по гипнозу. Я состоявшийся врач, хорошо выполняю свою работу, и меня уважают. Я дышу тем же воздухом, что и вы. Я живу рядом с вами, хотя и не в вашем мире. Я успешна – не только в карьере, но и в личной жизни.

У меня была прекрасная наставница, хотя первые тринадцать лет своей жизни я не уделяла ей должного внимания. Мне понадобилось еще двадцать лет, чтобы снова начать ее слушать. К тому времени я уже набралась самостоятельного опыта и была способна услышать и понять ее слова.

Матушка Шиптон – моя наставница, моя целительница, мой проводник. Она приходила ко мне во сне и мечтах. Однако лишь когда я научилась погружаться в гипнотическое состояние, она явилась ко мне в законченной форме и отдельно от моего внутреннего голоса.

В общем, это был очень странный день. Я находилась в состоянии гипноза, готовясь к рабочему дню, когда она вдруг заговорила. Не то чтобы я не слышала ее голоса раньше – Матушка всегда была рядом со мной. Но к тому времени я перестала о ней думать.

В детстве мы открыты голосам, поддаемся воздействию окружающего нас эфира, полностью используем спектр своего восприятия – пока нас не обучат прямо противоположному. И, взрослев, мы прекращаем слушать, закрываемся от окружающего мира вокруг нас.

Вы можете счесть меня странной, однако эта книга – не о том, что может вам показаться. Мне безразличны ваши чувства, ваши желания. Так же как безразличны были они Матушке Шиптон, и безразличны до сих пор. Она расскажет свою историю через меня, и вы снова услышите ее голос – если, конечно, вы открыты для окружающей вас магии. Магии земли. Истинной, серьезной магии. Той, что находится внутри каждого из нас.

Вот почему я к вам обращаюсь: хочу поведать, как вернуть себе магию. Я вижу то, что находится в ваших сердцах, точно так же, как видела Матушка. Вы хотите владеть своей силой,

хотите, чтобы магия стала настоящей, но немного боитесь. Боитесь соединиться, подключиться к своему Источнику. Может быть, боитесь даже самих себя.

Но больше нет нужды бояться. Вы не одни. Я соединилась с Источником и знаю, что бояться нечего. Вы тоже можете это сделать и стать свободными. Вас научит Матушка – через меня. Матушка с вами. Я с вами.

Простые шаги и пути, которые откроются вам на этих страницах, приведут вас к Источнику вашей силы и помогут ее собрать. Верьте мне, потому что я нахожусь внутри Источника. И я говорю вам: вы поймете, когда произойдет ваше соединение с Источником, и сила, которую вы принесете в себе, никогда больше вас не оставит.

Посему вот ваш первый урок: Источник – внутри вас, и без вас он умрет. Вначале вы должны признать его существование, найти его в себе, начать его укреплять и поддерживать. Только после этого можно будет его использовать, и когда вы это сделаете, станете свободными.

Свободными от цепей торгашества, которыми, как вам кажется, вы связаны. Свободными отдавать и принимать любовь, исцелять мир вокруг себя, заставлять события происходить с вами, в реальной вашей жизни. Это и есть истинная магия: взять глину собственной жизни и лепить из нее своими руками. Более того: вы будете обладать такой силой и тела и разума, что сможете делиться Источником с другими.

Это нелегкое путешествие, но уверяю вас, оно того стоит. До того как я начала слушать Матушку и соединилась с Источником, у меня была другая жизнь – жизнь так же не похожая на полную, как не похоже зернистое черно-белое фото на реальность.

С этого и начинается моя история.

Глава 1

Я считала, что все на свете знаю; я действительно так думала. Много работала и сделала хорошую карьеру. Что с того, что у меня не было спутника жизни и друзья перестали приглашать меня в гости, потому что я всегда слишком занята? Такова жизнь в Лондоне. Стоит достичь успеха, все именно так и случается.

Так что я просто старалась не поддаваться постепенно растущему во мне ощущению темноты и одиночества. Ощущению боли. Время от времени я покидала Лондон и отдыхала на прекрасных пляжах Таиланда или Индии, пытаюсь справиться с собой. Это было трудно. Я больше не владела ни своими мыслями, ни чувствами, утратила самоуважение, перестала понимать, к чему стремлюсь. Не имело значения, где я находилась: я всегда оставалась наедине с собой и постепенно начала это попросту ненавидеть.

Мой внутренний голос пробудился и все громче вопил о моем отвращении к себе, и в конце концов мне стало казаться, что весь мир слышит звуки происходящих во мне сражений. Я бродила по улицам Лондона. Я сидела на холоде, сжимая в руках газету и стаканчик с кофе. Вся из себя такая выдержанная. Такая стильная. Такая мертвая. И чтобы что-то изменилось, понадобилось число.

Моим числом стало сорок – возраст, к которому я приближалась. Мне не хотелось становиться сорокалетней; все что угодно, только не это! Мне представлялось, что дожить до такого возраста и не иметь ни детей, ни спутника жизни, ни любви и ни родных и близких – это настоящая катастрофа. Я многого достигла как профессионал: неплохо зарабатывала, была отличным специалистом, и мне *казалось*, что люди хорошо ко мне относятся, но все равно меня не покидало ощущение пустоты. Я не обеспечила себя настолько, чтобы могла бросить работу, и не сумела стать одной из лучших в своей профессии.

Я подошла к этому совсем близко, но, увы... И теперь все мои достижения казались мне бессмысленными и зыбкими. Знала: наберись я смелости открыто посмотреть в будущее – увижу, как моя жизнь и дальше идет по накатанной колее еще лет сорок, пока не превращусь в усталую, разочарованную старуху. В лучшем случае мне удастся сохранить эксцентричность и некоторые странности, превратив их в свои достоинства, делая вид, что такая жизнь – и вправду мой выбор. Хуже всего было то, что я уже физически стала ощущать разочарование: оно отдавало постоянным привкусом желчи во рту. Я чувствовала себя нездоровой и усталой до мозга костей.

Поэтому в конце концов я отправилась в Шотландию, в один буддийский ретрит¹. Обычно раз в году я посещала какой-нибудь курорт и теперь решила, что было бы неплохо попробовать что-то новенькое.

¹ Ретрит – уединение. (Примеч. пер.)

На что я не рассчитывала, так это на то, что там будет холодно, – господи, ну и холодина там стояла! – и *настолько* уныло. Все казалось серым и как будто придавленным небом. Приехать сюда – совершенно точно оказалось ошибкой. Ради всего святого, здесь же должно быть лето!

Помню, как я с некоторым презрением смотрела на живущих в ретрите людей. Что я тут делаю? Это место не для меня: ни мягких полотенец, ни пенящихся ванн, ни изысканных блюд, ни алкоголя! А люди!.. Да там просто было не с кем общаться. Ни единого человека моего круга, никого, кто по возвращении в Лондон мог бы оказаться полезен.

Не было никакого смысла вообще заводить какие-то знакомства. Но в любом случае я уже тут оказалась, так что, на худой конец, имела возможность как следует выспаться. Однако оказалось, у меня нет никаких шансов.

Это был просто военный лагерь медиумов какой-то! В первое же утро меня разбудили, чтобы я присоединилась к группе пешей медитации. По крайней мере, повезло, что я специально выбрала ретрит, в котором ценили молчание, и поэтому мне не пришлось общаться ни с кем из этих ужасных людей.

Я заставила себя выдраться из кровати и встала в конце длинной цепочки людей. Мы направились в лес. Дрожащая и злая, я следовала инструкциям, которые наговаривал женский голос: «Ступай след в след того, кто идет перед тобой». Грязные ноги обладательницы голоса были обуты в сандалии.

Когда я подняла голову, чтобы посмотреть ей в лицо, она уже ушла. Я зашагала – а если выразаться точнее, затопала. Я передвигалась, как рассерженный ребенок: повесив голову и крепко обхватив себя руками. Потребовалось время, но постепенно чувство раздражения все же стало стихать, и я начала обращать внимание на окружающий мир.

Я принялась играть, аккуратно ставя свои крошечные ступни в следы, оставленные ботинками идущего впереди меня мужчины. Это было совсем как когда ты ребенок и избегаешь трещин в тротуаре, потому что знаешь: если не будешь на них наступать, то случится что-то удивительное! Своего рода маленькие ритуалы, которые всегда успокаивают. Когда же я перестала их совершать?

Погруженная в размышления, я наткнулась на спину идущего впереди мужчины. Оказывается, мы остановились – а я и не заметила! Он повернулся и протянул руку, помогая мне устоять на ногах. Рука была грубой и сухой, как кора дерева. Мужчина улыбнулся и снова повернулся ко мне спиной. И меня вдруг охватило странное чувство: мне захотелось заплакать. Я хотела взять его за руку и осторожно уронить слезы ему в ладонь. О да, в тот момент я была в этом уверена! Я определенно схожу с ума, и чем быстрее уберусь из этого места, тем лучше. Мне необходимо было немедленно вернуться в Лондон. Вот и все. Я поеду домой, и все снова станет хорошо.

Тем временем наша цепочка снова тронулась в путь, и тропа стала круче. Я начала уставать; у меня заболели ноги, и мне все еще хотелось плакать. Это было просто нелепо!

Когда вернемся, найду кого-нибудь из администрации, и они вызовут такси, чтобы меня забрать. Я не могла больше здесь оставаться. Я шла уже часы – пока лес не сменился камнями и вереском. От воздуха у меня болели легкие. Я не могла толком соображать. Я попыталась составить план того, что буду делать, когда вернусь домой в Лондон, но мысли разбежались. Я шла как будто во сне. Слова растаяли, и мой мозг стал чистым и пустым – мое тело двигалось на автомате. Ничто больше не имело значения, кроме необходимости продолжать шагание. Я сконцентрировалась на отпечатках чужих ног, и время текло без всякого смысла. Теперь мне так сильно хотелось плакать, что внутри было больно, и я никак не могла понять почему. Но все-таки попыталась. Попыталась вспомнить, откуда взялась боль и почему мне так срочно нужно отсюда уехать, – но не сумела этого сделать. Казалось, к этому времени прошли целые часы, хотя я не была в этом уверена.

В конце концов я глянула вверх и обнаружила, что леса больше нет, а я стою в одиночестве на холме. Я прошла половину пути вверх по горе. Внизу виднелась наклоненная крыша ретрита, и я ощущала мощь вздымающейся за ним горы. Я опустилась на какой-то камень и заплакала.

Я плакала о себе и о жизни, которая, как мне казалось, прошла мимо. Я плакала, потому что каким-то образом сбилась с пути. Я плакала, потому что осталась одна и даже не заметила, когда это случилось. Я плакала уродливыми, неосознанными слезами, такими, от которых на следующий день опухают глаза и ты выглядишь как лягушка. Я плакала, пока не устала. И потом уснула прямо там, на холме, свернувшись на вереске, словно животное. Я чувствовала ветер на своих щеках и пучки вереска, уткнувшиеся мне в бок. Я спала, пока меня не разбудил дождь.

Крупные капли ударили мне в лицо, и я засмеялась. Я села и увидела, как солнце опускается за горизонт и вокруг собираются красные облака. Небо было действительно красивым – таким красивым!.. Это была красота, которую я не могла бы поймать на камеру и унести домой. Это было представление природы – грандиозное, уникальное, и я – единственный его зритель. Звучит банально, но для меня в тот день именно так оно и было. Впервые в жизни я почувствовала связь с землей, с каждой ее частичкой. Я почувствовала себя другой – хотя пока и не понимала, насколько другой.

Шагая обратно через лес, вниз по холму, я знала, что внутри меня что-то изменилось. Мне казалось, это изменение я могу взять с собой, унести в свою старую жизнь, будто эта прогулка в гору не более чем перерыв. Знай я тогда, *насколько* другой в результате стану, я бы задумалась, не остаться ли мне на том холме...

Взгляд в прошлое – удивительный подарок. Перечитывая написанное, я вижу, что все, о чем я повествую, – мои мысли, в то время как случившееся в тот день не имело с моими мыслями ничего общего. Мои мысли не играли никакой роли. Мои чувства – вот что повело меня вверх по холму, и мои чувства ведут меня и сейчас.

Мне уже преподавали такой урок: в детстве некая Матушка пыталась меня наставлять, но в то время я была заинтересована только в официальном образовании. Образование, образование, образование! Я купилась на ложь и забыла о чувствах. В общем, не важно. Этот урок был мною выучен позже, только и всего.

Я спустилась с горы, замерзшая, голодная и готовая испытывать чувства. Быстро умывшись, отправилась в столовую. Все ели молча, и я искала своего знакомца с холма. Однако его там не было. Отчего-то я почувствовала разочарование. Мне бы хотелось с ним поговорить. Улыбнуться ему. Вместо этого я принялась разглядывать тех, кто сидел вокруг меня за этим длинным обшарпанным столом.

Женщина справа осторожно мне улыбнулась. Я улыбнулась в ответ и тронула ее за предплечье, указывая другой рукой на хлеб. Она прожестикулировала той стороне стола, и хлеб предпринял путешествие в мои руки. Я улыбнулась ей еще раз и обмакнула кусок грубого хлеба в свою тарелку с супом.

Не могу описать, какой вкус был в тот день у еды. Я почувствовала любовь, с которой ее готовили, заботу, с которой подавали, дружбу, с которой делили ее между сидящими за столом.

После ужина я подхватила с буфета поднос и принялась собирать пустые тарелки и ложки. Женщина, которая сидела напротив меня, сделала то же самое. Кто-то взял тряпку и стал вытирать стол. Другой выметал оставшиеся на полу крошки за дверь. Я мыла посуду, пока кто-то мягко не отодвинул меня и не занял мое место у мойки. Все дела были завершены. Никаких инструкций. Никаких слов. И во всем этом сквозила своего рода легкая ритмичность – как в птичьем посвисте: кажется бессвязным, однако такой законченный и красивый.

Вернувшись в обеденный зал, я прошла его насквозь, к центру здания – большой круглой комнате с открытым камином. Люди уже собирались вокруг огня. Одни читали, другие,

полуприкрыв глаза, созерцали пламя. Я отыскала свободное кресло – подальше от огня, чтобы оставаться в тени. Мне не хотелось ни света, ни разговоров, ни отправляться в свою комнату. Хотелось побыть рядом с людьми, почувствовать их.

Мои веки стали слипаться, и я снова не могла удержать в голове ни единой мысли. Это было очень странное ощущение: словно я плыву по соленому озеру и не чувствую своего тела, и с этим ощущением я теряла ощущение себя. Почему-то это меня не беспокоило, хотя тихий голос из прошлого – некто, одетый в деловой костюм, – заметил, что следовало бы побеспокоиться. Я подула на фигурку, и она исчезла, словно сделанная из тумана.

Это была я – но прежняя. Серьезная и в костюме. Ломкая, хрупкая – однако, если уж признать горькую правду, все же заноза в заднице. Та, что всегда *должна быть* права. Должна быть главной. Всегда знала, как лучше. И вот там и тогда я решила, что ей реально нужен отдых. Не отпуск, а отправка на пенсию. Она это заслужила. Это было совершенно точно, поэтому я взяла ее на холм и позволила ей уснуть – прямо там, на холме, где она могла быть свободна и в безопасности. Я окружила ее теплом летнего солнца и цветами и позволила ее волосам стать длинными и красивыми. Я одела ее в длинное бархатное платье – словно сказочную принцессу – и убаюкала в зачарованный сон. И все это – пока дремала в тени, невидимая и неслышимая. Я сидела в том кресле, пока не прогорел камин, и теперь знала, что она на холме в безопасности.

В ту ночь я спала как убитая. На узенькой кровати, на жестких, грубых простынях. В ту ночь я спала крепче, чем в лучших отелях, и, когда проснулась, почувствовала себя живой, бодрой и готовой к действиям. Да, знаю, *к действиям* звучит немного туманно, но это все, о чем я могла думать в тот день. У меня не было никаких планов – только масса энергии. Поэтому я готовила еду и убиралась. Я сметала листья. Я вытирала пыль и полировала книжные полки в библиотеке. У меня было такое ощущение, словно я подключилась к государственной энергосистеме.

Это продолжалось целых три дня. Каждую ночь я прекрасно спала и ничего не видела во сне. Каждый день я занималась какой-нибудь полезной физической работой. К концу третьего дня я знала всех своих товарищей по именам... Ну ладно, по именам, которые сама же им и дала: Голубая Шляпа, Ацтекский Шарфик, Серьги-Колокольчики. Мне было интересно, как они называли меня. Этого я так и не узнала. На третий вечер за столом появились новые лица, и пришла моя пора уезжать. На следующий день я убрала в своей комнате, свернула постельное белье и отнесла его вниз, в прачечную.

Он стоял ко мне спиной, и именно поэтому я его узнала. Это был он – тот, кто прокладывал для меня дорогу. Я протянула ему постельное белье, а он обнял меня и молча прижал к себе. Я подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо. У него были красивые голубые глаза с «гусиными лапками» в уголках от частого смеха. Ясные голубые глаза – совсем как небо надо мной прежней, оставшейся спать на холме.

Потом он вернулся к своей работе, а я отправилась в Лондон.

Обратное путешествие на поезде прошло без каких-либо событий. Я включила свой мобильник и позволила миру вернуться. Куча сообщений в голосовой почте. Гора электронных писем. Я, должно быть, важная персона. Я снова его выключила и провела остаток поездки, глядя в окно. Дома ничто не изменилось, и это меня удивило. Я же изменилась – почему все, что меня окружало, осталось прежним?

Ладно, я понимаю. Одно дело – приобрести какой-то духовный опыт, будучи вдали от дома, другое – потом иметь дело с реальностью. Своей собственной реальностью – такой, какую вы себе создали. Вот в чем загвоздка на самом-то деле: я все еще обитала в ее доме, носила ее одежду, жила ее жизнью. Это не просто ощущалось как нечто неправильное – я даже не была уверена, что смогу *притворяться* собой прежней и дальше.

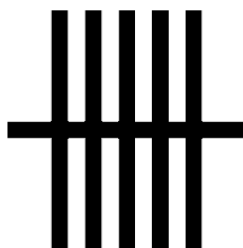
Оставив ее на холме, я словно оставила и ее способы взаимодействия с действительностью и теперь понятия не имела, что делать. Я знала только, чего *не хочу*. Но все еще не знала,

что хочу. Поэтому я сделала единственное возможное: открыла ее ежедневник, чтобы посмотреть, что ей предстояло делать на этой неделе. Неделя оказалась очень заполненной. Еще бы. Нескончаемые встречи с клиентами по гипнотерапии. Это означало, что до субботы мне не видеть белого света. Так что я принялась за дело. Я одевалась в ее одежду, разговаривала ее словами, утешала ее клиентов.

К субботе моя голова была битком набита чужими печальями, горестями, гневом и болью. Возникла необходимость от всего этого избавиться, и срочно. Я решила заняться самогипнозом, чтобы привести свои мысли в порядок. В субботу утром я лежала на кровати под солнечным светом, люющим из окна в крыше, и закрыла глаза, готовясь. Вот тогда ко мне и пришла Матушка. Полностью сформированная фигура, четкая, ясная, в великолепных сочных красках.

«С добрым утром, – дружелюбно сказала Матушка. – Теперь ты готова слушать?»

Глава 2

Мне бы очень хотелось сказать вам, что пережитое на том холме меня подготовило, и что я достигла некоего осознания вроде дзен, и что встретила происходящее, демонстрируя выдержку. Но все было как раз наоборот. Я взвизгнула и открыла глаза.

«Доброе утро, – повторила она. – Я все еще здесь».

С открытыми глазами я не то чтобы ее видела – скорее *ощущала*: Матушка сидела на краю моей кровати.

Поверьте, я понимаю, как это звучит, и моей первой реакцией было немедленно отправиться в больницу и провести сканирование мозга, поскольку у меня определенно случился какой-то психотический приступ. Или, может быть, я страдаю от опухоли мозга? Или, возможно, это инсульт? Я затаила дыхание. Стояла тишина. Может быть, я в Шотландии наелась каких-нибудь сомнительных грибов и теперь случилась отсроченная галлюцинация? Да, точно, скорее всего, так и есть. Наркотики.

Я улеглась обратно в кровать, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Однако мое облегчение оказалось недолгим.

«Послушай, у нас нет на это времени. Ты не под действием наркотиков, ты не больна и не сошла с ума. Нам предстоит работа. Мы можем уже к ней приступить?»

Не открывая глаз, я оглядела комнату. И увидела Матушку. Она действительно сидела на кровати и смотрела прямо на меня.

Первое, что я заметила: она была гораздо меньше, чем я ее помнила, но, полагаю, это так и должно было быть, потому что когда я видела ее в последний раз, и сама была намного меньше. Я перестала ее видеть и слышать, когда выросла. Точнее, закрыла ей дорогу, и Матушка больше не могла до меня добраться.

Я отключила свои сны и перестала приходить в долину своего сознания, где мы с Матушкой вместе гуляли. Отключилась от ее сигнала, заменила его голосом мужчины и логики. Я не скучала по Матушке – была слишком занята. Слишком занята учебой, а потом – зарабатыванием денег. Слишком занята укреплением собственной значимости...

Но я должна была догадаться: она никуда не ушла, а просто ждала. Конечно ждала. Она пятьсот лет прождала меня в своей пещере и теперь не собиралась уходить только потому, что мне хотелось от нее избавиться.

«Что тебе от меня нужно?» – спросила я. Или, скорее, спросил голос в моей голове.

Матушка засмеялась. Красивым, сочным, на удивление молодым смехом.

«У тебя опять это дурацкое выражение лица, да, дитя? Это не то, что мне от тебя нужно, – это твои нужды вытащили меня сюда. – Матушка помедлила и ласково провела ладонью по простыне. – Хороший материал. Отличное качество. – Она встрепенулась. – Ну ладно, дитя. Ты хочешь магии в своей жизни, а я хочу тебя ей научить. Вот цена, которую ты заплатишь за мою мудрость: ты *обязана* ею поделиться. Оставишь магию у себя – твоя сила иссякнет и пропа-

дет. Поделись ею со своими сестрами и мужчинами, в которых достаточно Луны, чтобы выслушать, – и станешь магическим существом: восхитительным, чувственным, гордым, истинным. Я могу помочь тебе превратить это время в *свое*, а ты будешь за мной записывать. Ты погрузишь себя в глубокий гипноз, и я поделюсь с тобой своей магией. Ты позволишь мне использовать твою руку, чтобы писать, и твой разум, чтобы интерпретировать мои слова, – чтобы твои сестры и истинные братья меня поняли. Ты будешь инструментом, и я стану через тебя писать».

Я поняла, что дрожу, слушая ее. Все это время Матушкин голос постепенно становился сильнее, и так же сильнее становилось мое желание ее дара. Такое возможно? Могла ли Матушка Шиптон пройти сквозь время, чтобы учиться? Потому что это именно она сидела сейчас, выпрямившись, на моей кровати – давно умершая ведьма, одна из самых знаменитых в Англии... И отчего мне хотелось ее выслушать?

«Твоя связь с мужским началом усилилась, дитя. Это логическое, аналитическое утверждение: «Я поверю в это, только когда увижу!», захватившее твой разум, может нам помешать. Посмотрим. Ты готова поверить в магию? Заставлять события происходить, быть чародейкой? Говоря понятным тебе языком: *позвони мне, когда будешь готова*».

Она снова засмеялась, и смех растворился в звуках древесных ветвей, стучавших в потолочное окно, выходящее на крышу моего дома. Я открыла глаза и посмотрела вверх. Матушка исчезла. Я больше не могла ее видеть, не могла ее слышать, не ощущала ее рядом.

Я провела в кровати еще час или больше, обдумывая случившееся. Чем дальше я размышляла, тем менее уютно себя чувствовала. Вся эта ситуация – сама по себе огромная проблема. Проблема... нет, это слово даже примерно не передавало то, что со мной происходило.

Пункт первый: я говорю сама с собой. Пункт второй: я думаю, что у меня в голове есть кто-то еще. Пункт третий: я обдумываю возможность принять сделанное этим кем-то предложение. Диагноз: психическое расстройство. Мне явно нужны лечение и лекарства. Вероятно, целая куча лекарств. Отлично. Именно то, что мне было нужно, – потерять связь с реальностью, когда все в моей жизни так хорошо складывается.

Я уставилась на облака, плывущие за потолочным окном. По правде говоря, все в моей жизни не складывалось так хорошо, разве нет? Я была одинока и несчастлива, и мне надоела моя жизнь. Я стала замкнутой, капризной, мелочной. Я стала... Ладно, хватит себя пороть, это совсем не мое. Я всегда предпочитала не размышлять, а действовать.

Вот я тут, где должна быть счастливой, но я несчастна. Это совсем не то, на что я подписывалась. У меня есть машина, и дом, и дубовые полы, и холодильник СМЕГ, но я *все еще* не счастлива. Что, черт возьми, со мной не так? Я что-то упустила? Ту часть себя, где идет внутренняя жизнь, где становишься счастливым и – я осмелюсь сказать даже так – удовлетворенным?

Одно точно: к старой версии себя я вернуться не в состоянии. Я утратила способность быть той личностью. Она теперь мирно спала на склоне холма, в полной безопасности. И не ощущала себя безумной – безумной в смысле сумасшествия, во всяком случае.

Матушка уже приходила ко мне, когда я была маленьким ребенком, и уже учила меня... Так почему бы и не сейчас? Я приняла решение. По крайней мере, это обещало быть интересным...

Я лежала и ожидала возвращения Матушки. Но она не вернулась. В конце концов я заснула и впервые за долгие годы видела сны.

Сны были туманные, но красивые, и оставили смутное ощущение меланхолии. Я не то чтобы чувствовала себя печальной – это больше походило на чувство, которое испытывает бедный ребенок в новеллах Викторианской эпохи. Он прижимается носом к витрине магазина игрушек, а внутри избалованные дети со своими богатыми родителями выбирают себе подарки. Что же это было? Я что, собиралась вечно оставаться снаружи, заглядывая внутрь, или же могла войти в магазин и сделать себя счастливой?

Я проснулась с колотящимся сердцем и ощущением того, что забыла что-то действительно важное и что если я это важное не вспомню, то горько об этом пожалею. У меня болело сердце, я чувствовала себя разбитой, как бывает при начале простуды.

Уже позже, одетая и умытая, я ковырлялась в тарелке с мюсли. Они были совсем безвкусные. Я оттолкнула тарелку. Господи боже ты мой, я питаюсь водой и пылью! Как при этом можно быть счастливой?

Меня начали раздражать мелочи. Например, такие очевидные вещи, как мюсли на завтрак. Это мой выбор или я просто приспособливаюсь? Почему я ем еду, которая меня не питает? Только потому, что другие люди сказали мне: это правильно?

Я выбросила размякшую кашу в мусорное ведро и отправилась в «Оззис кафф» недалеко от Мэрилебон-Хай-стрит. Там я впервые за много лет заказала себе «полный английский завтрак». Это было объедение.

Подобрав оставленную кем-то на сиденье газету, я прочитала про конец света в Англии. Не делайте то, не делайте это, мир ужасен, на британцев охотятся террористы, беженцы, преступные тунеядцы, которые выжимают из страны все соки, и так далее, и тому подобное.

Я выпила вторую чашку чая и снова взялась за газету, выискивая хоть какую-нибудь хорошую новость, хотя бы одну утешительную заметку. К примеру: из колодца в Дорсете спасли котенка. Но ничего подобного там не было. Мне стало жаль людей, которые читают эту газету каждый день. Как можно быть счастливым, когда позволяешь сплошной черноте существовать в своей жизни? Как люди вообще не боятся выходить из дому?

Это была не просто макулатура, это было Евангелие страха и ненависти для масс. Ладно, в газете попадались некоторые исключения, но, к сожалению, они прозелитствовали² с собственной версией Святого Писания. Эдакие самодовольные эко-проповедующие нимбоносцы.

Что со мной происходит? Я как будто единственный человек, который видит, что вся британская пресса, целиком и полностью, принимает участие в специальной кампании. Не рассказывать новости, а удерживать и без того разобщенные группы людей подальше друг от друга. Социальная сплоченность в ежедневной газете. Выбери себе группу и оставайся в ней. Читай лишь то, что подтверждает твои давно сформированные убеждения. Не ставь перед собой новых целей, потому что тогда тебе придется думать, меняться, что-то делать. Я рассчиталась и решила, что ничего в этот выходной день делать не буду.

Дома выяснилось, что в мое отсутствие мне никто не звонил. Этим все сказано. Я могу завтра исчезнуть, и никому *в действительности* не будет до этого особого дела. Может быть, кто-то из моих клиентов на тот момент что-то и вякнет, но быстро найдет себе другого профессионала париться их проблемами.

Магушка верно подметила одно: мне и вправду очень сильно хотелось магии. Хотелось, чтобы вокруг происходили особенные вещи, хотелось чувствовать себя живой – такого у меня тогда вообще не было.

Проблема заключалась в том, что я *на самом деле* в это не верила – в смысле, в магию. Магия для людей, которые не несут ответственности за собственную жизнь, за собственное счастье, – не правда ли?

Магия была для мечтателей и бездельников – для людей, которые в своих машинах подвешивали пластмассовых фей на зеркало заднего вида и носили платья и кардиганы с индейскими принтами. Я в эту категорию не входила, а следовательно, не могла верить в магию.

Завтрак меня насытил, я чувствовала себя удовлетворенной и счастливой. Я прошла через Гайд-парк, затем по Экзибишн-Роуд, где побродила по книжному магазину. Это был *настоящий* магазин, не один из целой сети.

² Прозелитизм – здесь приверженность вновь принятому учению, новым убеждениям. (Примеч. ред.)

Внутри он оказался немного запущенным и с кучей народу. Там пахло книгами. Девушка за стойкой тоже читала книгу, а поднявшись, чтобы обслужить покупателя, прокомментировала его выбор. Мне там очень понравилось. Я ощущала себя интеллектуалкой и частью богемы. Какой самообман.

Впрочем, я все равно купила книгу – что-то в красивой обложке про путешествия по Индии в конце 1800-х годов. Решила – пойду домой и заруюсь в ее страницы.

Ну вот так и прошла та моя суббота. Обедать я отправилась в «Полс» в том же районе, съела сладкое сдобное пирожное, выпила кофе с нормальным содержанием кофеина, с молоком цельной жирности и дополнительной порцией сахара. Я прямо чувствовала, как мои глаза закатываются от удовольствия. Мне хотелось топтать ногами – словно восхищенному собственным непослушанием ребенку. В общем, день прошел прекрасно. Простые удовольствия – запретные удовольствия.

Я знала, что позже, когда встану на весы, обо всем этом пожалею, но мне было все равно. Ладно, Скарлетт, завтра будет другой день. В воскресенье, кстати говоря, ты можешь проделать все это еще раз.

Мои выходные превратились в настоящую оргию из еды и чтения. Я ела только то, что мне хотелось, за ужином выпила шампанского, надела свое лучшее нижнее белье и шпильки, хотя показать это было некому. Мне хотелось побыть ребенком внутри магазина, а не снаружи. По крайней мере, на эти выходные я могла им притвориться.

Наступил вечер воскресенья, я приготовила одежду на завтра. Лекции целый день. Целый день со студентами-медиками, активными и задающими вопросы или скучающими и обиженными. Моя работа – вдалбливать им в голову знания. Эта мысль не принесла мне радости. Мой красивый костюм от Вивьен Вествуд висел, пустой и измятый, как марионетка, а чулки и кожаные туфли-лодочки на высоком каблуке аккуратно стояли рядом.

Это ее униформа. Одежда, которой люди отвечали, разговаривая с Урсулой. Сказать по правде, я знаю, что эта одежда выбиралась специально для того, чтобы производить на людей определенное впечатление. Одежда женщины сильной, жесткой, сексуальной – но угрожающе, практически на грани садомазохизма.

Так что люди видели имидж и велись именно на него. Да и зачем им смотреть глубже? Люди видят то, что хотят видеть, и я создала эту Урсулу так же качественно, как писатель создает персонаж в своей книге. Широкими мазками кисти – чтобы читатель сам мог дополнить недорисованную плоть силой своего воображения.

Всю неделю я прожила на автомате. Лекции, клиенты, встречи. Лекции, клиенты, встречи. И все это время какая-то часть меня безмолвно кричала: «Посмотри на меня – я другая! Я не то, что ты обо мне думаешь! Я не знаю, кто я, но знаю, кто я больше *не!*»

Однако люди все равно реагировали на костюм, и голос, и туфли на высоких каблуках. И всю неделю я плохо спала. Мне снилась долина, в которую я приходила в детстве. Но теперь мне никак не удавалось туда попасть. Всю неделю я ела что хотела и даже не подходила к весам – мне было слишком страшно.

Наконец суббота снова пришла в мой дом, и на этот раз я была готова. Книги, еда, пижама. Дверь заперта. Я никуда не собиралась идти. Мне необходимо было время подумать. Время составить план и действовать в соответствии с ним. Я взяла блокнот-молескин и лучшую ручку «Лами», подложила под себя все подушки, которые только смогла найти, скрестила ноги и уселась в пижаме на кровати, занеся ручку над девственно чистой страницей.

Ничего не произошло. Абсолютно, черт побери, ничего. Я перелистнула блокнот на первую страницу и аккуратно написала свое имя в графе, где было сказано: «Имя». Затем вновь перелистнула страницу и попробовала снова. «Проблемы», – вывела я заглавными буквами. Затем перешла на последнюю страницу блокнота и запечатлела еще один заголовок: «Решения».

Ну, уже какое-то начало. Я вернулась обратно на «Проблемы» и уставилась на пустую страницу. Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса, и я созрела: приготовилась все-все записать. И в конце концов разродилась: «Я хочу, чтобы магия стала реальной». Хм, вот уж этого я никак не ожидала. Быстрый переход к «Решениям». «Позвони Матушке», – вывела моя рука. Я отшвырнула блокнот в угол кровати и распласталась на спине, снова уставившись на облака за потолочным окном. И поплыла вместе с ними.

Напоследок я сделала единственное, что смогла придумать: пошла в ванную, чтобы встать на весы и проверить, сколько вреда принесли мне мои пирушки. Я забралась на них, затаила дыхание (как будто это помогает!) и глянула вниз. Я потеряла в весе полтора килограмма. Я слезла с весов и переустановила стрелку. Нет, никакой ошибки. Всю неделю я ела что хотелось и не набрала ни грамма – а действительно потеряла в весе.

Если Матушка пыталась послать мне сообщение о том, что магия реальна, оно тут же достигло адресата. Нет ничего, кроме потери веса без всяких усилий, что может заставить женщину сесть и слушать. «Ладно, Матушка. Я звоню тебе прямо сейчас. Я ненавижу себя и свою жизнь и хочу поверить в магию. Ты меня слышишь?»

Я ступила на пол. Ничего. Отлично. Я одновременно теряю вес и рассудок.

«Ты не слишком терпелива, да, дитя? – Матушка сидела на моей кровати и улыбалась. – Это не то же самое, что набрать номер на телефоне и ожидать, что я буду сидеть возле него, ожидая твоего звонка. Я, знаешь ли, женщина занятая. – Ее улыбка стала шире. – Да, я знаю и о телефонах, и об Интернете, и о телевидении. Я слышала и наблюдала за тем, как этот мир «развивался». – На последнем слове она наморщила нос. – Развивался, но не думаю, что изменялся. Дитя, пора открыть тебе твою истинную суть. Я направлю тебя и буду наставлять, но на этот раз ты, черт побери, слушай. Мне не нравится, когда от меня закрываются. Я разрешила тебе это сделать, потому что тогда ты была ребенком. Ты больше не ребенок, и я буду обращаться с тобой как со взрослой. Пора заняться магией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.